

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ПРОСКУРИН

УРАГАН
МЫСЛИ

Вадим Проскурин
Киберволки

«Автор»

2005

Проскурин В. Г.

Киберволки / В. Г. Проскурин — «Автор», 2005

«Старший оперуполномоченный Шерстобитов был весьма молод, на вид лет двадцати пяти, не больше. Был он среднего роста и телосложения, лицо его было умное и симпатичное, но ничем не примечательное. Одет он был в помятую белую рубашку без рукавов и светлые брюки, тоже помятые. Светло-коричневые летние туфли с верхом «в сеточку» были изрядно потертые, а концы шнурков – разлохмачены. На плече у него болталась потертая черная сумка на ремне...»

© Проскурин В. Г., 2005

© Автор, 2005

Содержание

1	5
2	12
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вадим Проскурин

Киберволки

1

Старший оперуполномоченный Шерстобитов был весьма молод, на вид лет двадцати пяти, не больше. Был он среднего роста и телосложения, лицо его было умное и симпатичное, но ничем не примечательное. Одет он был в помятую белую рубашку без рукавов и светлые брюки, тоже помятые. Светло-коричневые летние туфли с верхом «в сеточку» были изрядно потертые, а концы шнурков – разлохмачены. На плече у него болталась потертая черная сумка на ремне.

Шерстобитов подошел к старенькому и чудовищно грязному «Гольфу» с треснутым лобовым стеклом, вытащил из кармана ключи и собрался уже нажать кнопку на брелке сигнализации, когда его перехватил я.

– Борис Романович? – спросил я.

Шерстобитов повернулся ко мне и долю секунду изучал испытующим взглядом. Раньше мы с ним не встречались, но по его глазам я понял, что он меня узнал.

– Илья Константинович, если не ошибаюсь? – ответил он вопросом на вопрос.

Я кивнул и протянул руку. Рукопожатие Бориса было умеренно крепким, создавалось впечатление, что его небольшие руки гораздо сильнее, чем кажутся.

Шерстобитов пробежался взглядом по стоянке и безошибочно опознал мой «Пассат».

– Пойдемте к вам, что ли, – предложил он. – У вас просторнее, да и стекла тонированные.

Надо было запросить на него более подробную справку. Что-то начинает мне казаться, что он не так прост, как полагает полковник Рогачев.

Минутой спустя Шерстобитов расположился на пассажирском сиденье, вытянул ноги вперед, чуть-чуть опустил оконное стекло, вытащил пачку «Кента» и закурил. Я тоже закурил. Шерстобитов покосился на пачку LM в моих руках и хмыкнул.

– Они мне нравятся, – пояснил я. – Раньше я вообще курил «Петра Первого», но в последние пару лет качество стало отвратительное.

– А вот Бессонов Сергей Юрьевич у «Парламента» всегда фильтр отрывает, когда никто не видит, – неожиданно сказал Шерстобитов. – Тяжело заниматься большим бизнесом – все время приходится хорошее впечатление производить. В джинсах на работу не ходи, дешевые сигареты не кури, в машине дешевле полтинника не езд.

– Абрамович все время в джинсах ходит, – заметил я.

– Ты еще Билла Гейтса вспомни, – хохотнул Шерстобитов. – Ничего, что я на ты?

– Ничего, – сказал я. – Мы с тобой не настолько старые, чтобы друг перед другом полчаса раскланиваться. И не настолько тупые. Знаешь, за чем я пришел?

– Конечно, знаю. Дать показания по делу Глотова.

Я подавился табачным дымом и закашлялся. Неожиданный у него взгляд на вещи, хотя, со своей точки зрения, он, несомненно, прав.

Шерстобитов с любопытством смотрел на меня, дожидаясь, когда я прокашляюсь и приду в себя. А потом спросил:

– Что рассказать хочешь?

Меня довольно трудно сбить с толку, но ему это удалось.

– Ну... – промямлил я. – Я вообще-то рассчитывал, наоборот, информацию получить...

– На халяву? – уточнил Шерстобитов.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился я. – Я еврейской жадностью не страдаю. Сэкономить сотню-другую баксов, конечно, приятно, но репутация важнее.

– Это точно, – согласился Шерстобитов. – Репутация у тебя хорошая, иначе мы бы с тобой не разговаривали. Историю про «МДМойл» слышал?

– Которую? Про то, как Медвежонка замочили? Или про то, как у них во время маскишоу нашли документы про вашего полковника?

Эта история уже стала легендой. Один полковник милиции завербовал большого человека в службе безопасности одной большой компании. А потом случайно обнаружилось, что с точки зрения этой компании, дело обстоит совсем наоборот – начальник отдела внешней безопасности завербовал большого человека в московской милиции. Был скандал, который замяли, по слухам, шестизначной суммой в долларах, но ведь, если вдуматься, ничего скандального не произошло. Эйнштейн был прав, все в мире относительно, все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на вещи. Что плохого в том, что два уважаемых человека обменялись взаимно интересной информацией к обоюдной пользе? Но бюрократам наверху трудно объяснить, что от обмена информацией пользы бывает больше, чем вреда, вот и приходится писать глупые бумажки с нелепыми словами. Вербовка проведена успешно, осведомитель докладывает... Тьфу!

– Ага, та самая история, – подтвердил Шерстобитов и выжидательно посмотрел на меня. Я отреагировал точно так, как он ожидал.

– И в самом деле, – сказал я, – почему бы двум хорошим людям не завербовать друг друга? Только бумажки я подписывать не буду, это для лохов.

Когда мент вербует осведомителя, он всегда старается взять с него подписку о сотрудничестве. Юридической силы эта филькина грамота не имеет, годится она только для шантажа осведомителя, на случай, если он вдруг больше не захочет быть осведомителем. Менты всегда говорят, что без этой бумажки нельзя, но это неправда.

– Без базара, – сказал Шерстобитов. – Я тоже ничего подписывать не буду, – он вдруг хихикнул.

– Вот и замечательно, – сказал я. – Позавчера был убит Владимир Глов, сотрудник ОАО «Кохинор». Мне хотелось бы почитать уголовное дело.

Шерстобитов вытащил из сумки CD-болванку в бумажном пакетике и положил ее себе на колени.

– Почитаешь, – сказал он. – Если что неясно, спросишь. А теперь можно я позадаю вопросы?

– Задавай, – согласился я и достал еще одну сигарету.

– Кем был Глов?

– Сисадмин в «Кохиноре».

– Простой сисадмин? – Шерстобитов скептически посмотрел на меня и я поспешил уточнить:

– Не совсем. Формально его должность называется «главный консультант», фактически он был замом начальника IT-отдела. Он бы стал начальником, если бы был хоть чуть-чуть годен к административной работе. Если верить тому, что мне вчера рассказали, Глов занимался всем техническим руководством, а Вронский, начальник отдела, выполнял только представительские функции. Подписывал бумаги, сидел на совещаниях...

– Чем занимается «Кохинор»?

– Не знаю.

– Да ну? – удивился Шерстобитов. – Ты же отвечаешь за их безопасность.

– Чтобы отвечать за безопасность предприятия, не обязательно вникать в детали производства, – сказал я, стараясь, чтобы физиономия была честной. – В таких делах чем меньше

знаешь, тем лучше спишь. Они клепают что-то оборонное, а что именно, я никогда не выяснял. То ли прицелы для танков, то ли радары для вертолетов.

На самом деле работа на оборонку составляет менее десяти процентов всей деятельности «Кохинора». Оборонные заказы берутся не для того, чтобы на них заработать, а для того, чтобы получить статус режимного предприятия и тем самым сократить взятки компетентным органам. Когда территория завода окружена забором с колючей проволокой, охрана вооружена короткоствольными автоматами, а каждую «Газель» с продукцией сопровождает живой ФСБшник, гораздо труднее прикопаться к тому, что большая часть продукции завода, мягко говоря, незаконна. Пиратские CD и DVD, микросхемы для адаптации «серых» мобильных телефонов к российским сетям, специфическое электронное оборудование, не поступающее в открытую продажу, но обязательно имеющееся в службе безопасности каждого серьезного банка, и многое-многое другое. Но Шерстобитову об этом знать не положено, мал он еще.

– Немного странно, – заметил Шерстобитов. – Я сегодня утром был в экономическом управлении, поговорил кое с кем из ребят, полазил по базам данных... Сдается мне, в «Кохиноре» не все чисто. Если взять открытые данные по «Кохинору» и сравнить... ну, ты понял.

Я пожал плечами и ничего не сказал. Невозможно скрыть абсолютно все следы противозаконной деятельности. Ассортимент и объем комплектующих и продукции, количество рабочих разных специальностей, заявленная прибыль, список выставок, круглых столов и светских тусовок, которые посещают руководители предприятия – если всю эту информацию собрать воедино и проанализировать, не так уж трудно определить, чем фирма действительно занимается, и как именно она пудрит мозги компетентным органам. Другое дело, что люди, способные сделать правильные выводы, давно прикормлены, равно как и их начальство. Если директор предприятия не борзееет, не зажимает положенную по понятиям часть прибыли, проявляет должное уважение к лицам, достойным уважения, и не занимается совсем уж нехорошими делами, вроде наркотиков или детской порнографии, то и милиция, и ФСБ смотрят на деятельность фирмы сквозь пальцы. На «Кохиноре» все эти условия выполнялись.

– Однако, не мое это дело, – резонно заметил Шерстобитов. – А почему, кстати, название такое странное?

– Название как название, – сказал я. – Около моего дома есть пивной ларек, называется «Вакханалия», вот это действительно странное название.

– Логично, – согласился Шерстобитов. – Но вернемся к нашим баранам. Почему ты ко мне обратился?

– Как почему? Убили нашего сотрудника. Если я ради Володи Глотова даже задницей не пошевелю, что обо мне люди подумают?

– Люди не заметят, шевелил ты задницей или нет, – сказал Шерстобитов. – Кроме того, убийство из хулиганских побуждений – преступление специфическое, такие дела раскрываются только по горячим следам. Если в течение часа отморозков не поймали, потом их можно взять только чудом. Я бы на твоём месте не стал тратить много времени на это дело.

– А я и не трачу много времени, – сказал я. – Сейчас мы с тобой поговорим и если окажется, что в деле нет зацепок, я признаюсь в собственном бессилии и умою руки с чистой совестью.

– Ну это как-то даже неприлично, – укоризненно произнес Шерстобитов. – Ты, Илья Константинович, меня будто за дурака держишь. Ты уж извини, в этот детский лепет я никогда не поверю. Ты ведь что-то еще знаешь и это что-то вызвало у тебя подозрения.

Толковый, однако, парень этот Боря Шерстобитов. Если года через три он все еще будет работать в милиции, я сильно удивлюсь.

Но надо признаваться, а то и впрямь получается, что я его за дурака держу.

– Позавчера в пять вечера Глотов мне позвонил и мы договорились о встрече на следующее утро, – сказал я. – Вечером его убили.

– Вы с ним часто встречались?

– Лично – никогда. С IT у нас никогда проблем не было. Готов свое дело знал хорошо, замечаний к нему не было. Хакеры не досаждали, вирусная атака была только одна, MSblast, но это в августе было, почти все были в отпусках, в том числе и Готов, а когда он вернулся, за пару дней все исправил.

– Раньше он тебе звонил?

– Никогда. Я потому и занялся этим делом, что он мне позвонил.

– Враги у него были?

– Не было. На его место никто не претендовал, специалистов его уровня у нас больше не было, все это понимали и подсаживать его никто не пытался. По личным качествам он был нормальным мужиком, только сильно замкнутым, но хорошие программисты почти все такие. У него жена осталась с маленькой дочкой, – непонятно зачем добавил я.

– У компании сейчас все в порядке? Может, конкуренты волну катят, торговые войны какие-нибудь...

– У «Кохинора» нет конкурентов, – сказал я. – Оборонный рынок поделен очень четко, открытая конкуренция бывает настолько редко, что каждый случай становится событием. Есть, правда, конкуренция между поставщиками комплектующих, но она к нашим делам отношения не имеет.

– Это точно, – согласился Шерстобитов. – Может, у Глотова личные проблемы были? «Шестисотому», например, в зад въехал...

– Я бы знал, – возразил я. – Мы такие случаи отслеживаем.

Я непроизвольно улыбнулся, потому что вспомнил одного товарища из Солнцевской группировки, который каждый месяц получает тысячу рублей в качестве компенсации за разбитую в хлам «семерку» БМВ. Служба безопасности «Кохинора» не дает в обиду своих сотрудников, даже тех, кого и стоило бы дать в обиду. Тот козел из отдела сбыта был сам виноват, что сел за руль в стельку пьяным, но если компания позволяет бандитам отнять квартиру своего сотрудника, такую компанию перестают уважать. Есть, конечно, шанс, что Готов попал в передрагу, попытался выбраться из нее своими силами, убедился в тщетности попыток, позвонил мне, но было поздно...

Нет, невозможно. Во-первых, развязка в таких делах никогда не наступает *настолько* быстро. Бандиты идут на крайние меры не сразу и вообще, они очень не любят идти на крайние меры, что бы по этому поводу ни писали в желтой прессе. Замочить человека – дело дорогое и хлопотное, окупается оно редко. Обычно бандиты поугаают, поугаают, да и отстанут, если запугать не получилось. А во-вторых, и это главное, когда бандиты наказывают нехорошего человека, они не косят под малолетних гопников, они обставляют убийство так, чтобы всем было ясно, за что пострадал покойный и что будет с другими, которые захотят поступить так же.

– Тогда в чем дело? – спросил Шерстобитов. – Какие-нибудь версии у тебя есть?

Я пожал плечами.

– Оформленных версий нет ни одной. Если бы не тот звонок, я бы сказал, что это несчастный случай, от стаи наркоманов никто не застрахован. Но это даже не версия, это так, первое впечатление. Чтобы появилась версия, надо почитать вот это, – я указал пальцем на болванку, которую Шерстобитов все еще держал в руках.

– Держи, – Шерстобитов протянул мне болванку, – считаешь на досуге. А пока слушай главное. Тело Глотова нашли за гаражами рядом с домом. Смерть наступила от многочисленных ударов тупыми предметами, предположительно, ногами. Закрытая черепно-мозговая травма, множественные повреждения внутренних органов, ну и по мелочи – переломы, ссадины... Забрали деньги, около тысячи рублей, и мобильный телефон. Ключи от квартиры и машины не взяли.

Шерстобитов произнес последнюю фразу с особенно интонацией. Я поразмыслил секунду и понял, в чем дело.

– Он приехал домой на машине? – уточнил я. – У него «Форд Сьерра» восемьдесят девятого года, машина слишком старая, чтобы угонять для продажи, а вот покататься – самое то. Да и в квартиру залезть сам бог велел.

Судя по самодовольной улыбке Шерстобитова, своими рассуждениями я в цель не попал.

– Нет, – сказал он, – дело не в этом. Любой нормальный гопник, даже наркоман, боится сесть за убийство. Когда они поняли, что замочили человека, они должны были сразу сделать ноги. Мобилу снять с пояса – это еще понятно, а шариться по карманам, выгребать мелочь, тем более, что он весь в крови был... Не стыкуется. Тут дело в другом. Человек подъехал к собственному подъезду на собственной машине, вышел, стал вытаскивать с заднего сиденья сумки с продуктами. Человеку двадцать шесть лет, выглядит он на свой возраст, на еврея не похож, на кавказца – тем более. Мимо проходит хулиганье и вдруг начинает приставать. Странно, правда?

– Странно, но не очень. Обычно малолетняя шпана взрослых мужиков не трогает, но кто их знает, что им на этот раз в голову взбрело? Может, они у него закурить попросили, а он не дал. Или он раньше поймал кого-то из них, когда ему с машины колесо скручивали. Или просто ломка подступила. Или глюки.

– Да, – согласился Шерстобитов, – пока все объяснимо. Самое интересное начинается дальше. За гаражами, где его били, было грязно. Днем прошел дождь, земля везде уже высохла, но там низина, лужа к вечеру высохла, но грязь осталась. Свет фонарей туда не достает, сразу и не поймешь, что грязно. Грязь не очень сильная, не настолько, чтобы поскользнуться, просто земля мягкая. Думаю, убийцы этого даже не заметили.

– И что в этом интересного? – спросил я. – Погоди... Остались следы?

– Да, остались следы. Три пары кроссовок, две из которых – новая модель «Рибока», поступила в продажу месяц назад, китайских подделок на рынках пока не замечено.

– Дорогие?

– Мягко говоря. Не вяжется с образом юных наркоманов, правда?

– Может, не наркоманы, – предположил я. – Может, юные мажоры в поисках острых ощущений.

– Мажоры приличных людей не убивают, – возразил Шерстобитов. – Мажоры могут убить проститутку или бомжа, но не приличного молодого человека, вылезшего из иномарки. Но слушай дальше. Один из убийц топтался на этом месте минут десять, судя по количеству следов.

– До или после убийства?

– До. Он выкурил сигарету. «Кэмел-100».

– Ни о чем не говорит, – заметил я. – Скорее наоборот, говорит в пользу версии с малолетками. Серьезные люди предпочитают сигареты нормальной длины, а не размером с фаллос.

Шерстобитов странно посмотрел на меня. Кажется, я переигрываю. Косить под дурака полезно почти всегда, но надо знать меру.

– Да понял я все, – сказал я. – Убийство было не спонтанным, а подготовленным. А били его, надо полагать, не ногами, а бейсбольными битами.

– Нет, били как раз ногами, – сказал Шерстобитов. – Но шел он не сам – его следов в той грязи нет.

– Может, затоптали?

– Все следы затоптать не могли. К тому же, там, где должны быть его следы, на земле видны две характерные борозды.

– Носки ботинок трупа были сильно испачканы? – предположил я.

– Точно. К месту расправы его тащили двое, а третий ждал на месте, стоял на шухере.

– У машины следы борьбы есть?

– Нет, – сказал Шерстобитов, – никаких следов. Но тот, кто вел машину последним, был в перчатках. А продукты из супермаркета лежали на заднем сиденье, хотя Глотов, по словам жены, всегда ставил сумки пассажиру в ноги, когда ездил один.

– А она-то откуда знает? – удивился я. – Раз он один ездил...

Шерстобитов ухмыльнулся:

– Он пару раз пытался так сделать, когда они с женой на рынок ездили. Он был очень рассеянным.

– Понятно. Так что получается... Стоп! Продукты он купил в «Диете», что около его дома?

– Да.

– Купил именно он?

Шерстобитов пожал плечами.

– Полагаю, да, – сказал он. – Зачем бандитам покупать ему продукты?

– Супермаркет находится в двухстах метрах от его дома, – сказал я. – Если он покупал продукты там, а потом за рулем сидел некто в перчатках, то на него могли напасть только в одно месте – на стоянке у супермаркета. Там есть камера наружного наблюдения?

– Есть, – сказал Шерстобитов, – но в записи ничего не видно. Там стоит дешевая модель, фонари ее слепят. Как сказали в охране магазина, она стоит не для того, чтобы смотреть, что она показывает, а для того, чтобы воров пугать. Ты прав, Глотова перехватили на стоянке, оглушили, погрузили в собственную машину, довезли до дому, затащили за гаражи и забили насмерть, закосив под хулиганье. Вопросов тут два.

Он сделал паузу, давая мне вставить реплику. Я решил не прикидываться глупее, чем есть, и не стал спрашивать, что это за вопросы.

– Причем особенно интересен второй, – сказал я. – Прокололись они только в одном месте – не заметили грязь под ногами. Позавчерашний звонок Глотова не считается – знать о нем они не могли. Ведь если бы странных следов на месте преступления не было, я бы сейчас не с тобой разговаривал?

– Это точно, – согласился Шерстобитов. – Дело бы вели в районной прокуратуре, точнее говоря, положили бы в сейф на два месяца, а потом закрыли. Глотов жил в не самом хорошем районе, хулиганья там полно, убийства, конечно, не каждый день бывают, но несколько раз в году случаются. Но вот заказное убийство, которое маскируют под проделки шпаны – такое бывает не каждый год.

– Понятно, – сказал я. – Спасибо. Тут, – я показал на болванку, – есть еще что-нибудь важное, кроме того, что ты уже сказал?

– По-моему, ничего, – сказал Шерстобитов. – Но ты посмотри, может, я что пропустил.

– Обязательно посмотрю. Сколько с меня за информацию?

И тут Шерстобитов меня удивил.

– Сколько не жалко, – сказал он. – Можно нисколько. Я ведь не ради денег тебе эту штуку принес.

– А ради чего?

– Никогда не вредно завести знакомство с хорошим человеком. Кто знает, когда оно пригодится.

– Хорошо, – сказал я. – Ценю твое почтение, но тем не менее держи, – я протянул ему тонкий конверт, – не люблю, когда про меня говорят, что я жадный.

Шерстобитов взял конверт, согнул пополам и положил в карман рубашки, не заглядывая внутрь и не пересчитывая купюры.

– Если появится что-нибудь интересное, я тебе сообщу, – сказал он. – Ты тоже не забывай про правоохранительные органы. Мало ли, вдруг какая помощь понадобится...

Шерстобитов вежливо попрощался и вылез из машины. Я дождался, когда его «Гольф» отъедет, и отъехал сам. Я поехал в офис.

2

Частное охранное предприятие «Юлий Цезарь», директором которого я являюсь, формально не имеет никакого отношения к ОАО «Кохинор», просто у нас есть долгосрочный контракт, который регулярно продлевается. Особого смысла в таких отношениях нет, просто так удобнее работать.

Наш офис размещается через дорогу от центрального офиса «Кохинора». Мы арендуем этаж в небольшом кирпичном особнячке конца прошлого века, снаружи домик выглядит довольно-таки облезло, да и внутри тоже. Но это даже хорошо – служба безопасности не нуждается в том, чтобы привлекать к себе внимание.

Я вошел в здание, приветливо кивнул вахтеру, поднялся по лестнице на третий этаж и вошел в свой кабинет. По инструкции, проходя через проходную, положено показывать вахтеру пропуск и говорить, чтобы он снял кабинет с сигнализации, но я такой ерундой не занимаюсь. В конце концов, в этом здании я самый большой начальник, а больших начальников надо знать в лицо и предугадывать их желания до того, как они высказаны. По крайней мере, самые простые желания.

Я включил кондиционер, кофеварку и компьютер, уселся в кресло и стал ждать, когда компьютер загрузится.

Шерстобитов прав, в этом деле два основных вопроса. Первый очевиден – кто и зачем убил Глотова? Как решать этот вопрос, понятно. Поговорить с вдовой, с коллегами по работе, тщательно изучить компьютеры, рабочий и домашний, а заодно и серверы, за которые отвечал Глов, вполне возможно, там найдется что-то интересное. Если ничего не прояснится, придется перешерстить записные книжки покойного, проверить все знакомства, восстановить картину последних дней жизни Глотова, и если ничего не станет понятно даже после этого, остается только одно – признать себя бессильным и умыться руки. Не хотелось бы.

А вот со вторым вопросом все не так просто. Почему убийство Глотова было обставлено как хулиганская выходка обколотых лоботрясов? Почему организаторам убийства было важно, чтобы никто не понял, что убийство заказное?

Имеем две основные версии. Первая – в свободное от работы время Глов вляпался в какую-то нехорошую историю, попытался разрулить ситуацию сам, не смог, позвонил мне, но было поздно. И вторая версия – что-то нехорошее происходит в отделе ИТ, Глов это нехорошее заметил, позвонил мне, но кто-то заметил, что он это заметил, и его поспешили убраться.

Пожалуй, вторая версия больше похожа на правду. Вряд ли Глов сам лично смог бы причинить кому-либо ущерб больше, чем на сотню тысяч зеленых, а когда цена вопроса укладывается в сотню тысяч, виновного не убивают, а если даже и убивают, то не устраивают такой спектакль. А вот если на кону стоит десяток-другой миллионов...

Я вставил в компьютер сидюк, полученный от Шерстобитова, и минут пятнадцать изучал его содержимое. Борис был прав, все важное он сказал голосом, больше никакой существенной информации в документах не было.

Я вытащил из кармана связку ключей, нашел среди них нужную мне электронную хреновину и вставил ее в разъем на передней панели компьютера. Компьютер немного пошуршал винчестером и предложил ввести пароль. Я ввел пароль, включающий в себя шесть маленьких букв, две большие буквы и шесть цифр, и в компьютере появился новый логический диск. Я скопировал на него содержимое шерстобитовской болванки, а затем вытащил из верхнего ящика стола нож, подпадающий под категорию холодного оружия, и минуты две выцарапывал на диске аккуратную прямоугольную сеточку. Денис Рушников в свое время поведал мне, что процарапать одну полосу недостаточно, потому что в природе существуют устройства, способ-

ные прочесть всю нетронутую часть поверхность испорченного диска. А вот если исцарапать всю поверхность – тогда совсем другое дело.

Закончив убиение болванки, я выбросил ее в корзину для бумаг, и снял трубку телефона. Прежде всего я позвонил вышеупомянутому Денису Рушникову.

Денис работает в той части ФСБ, которая раньше называлась ФАПСИ. Сейчас он пребывает в чине майора, на будущий год должен получить подполковника. Официальная зарплата Дениса не идет ни в какое сравнение с его квалификацией, но если приплюсовать к зарплате гонорары за консультации крупного бизнеса по щекотливым вопросам, сумма получается вполне пристойная. Начальство Дениса в курсе того, чем он зарабатывает на жизнь, но смотрит на его деятельность сквозь пальцы. Таким специалистам, как Денис, нельзя запрещать зарабатывать деньги на стороне, иначе они быстро увольняются.

Около половины своего заработка Денис получает из казны «Кохинора» за консультации по разным компьютерным вопросам. Он поставил мне шифровалку, под защитой которой я храню документы из категории «перед прочтением съесть». Когда в прошлом году один придурок из IT-отдела забыл очень важный пароль, и даже Гловов опустил руки, я позвал Дениса. Денис выгнал из комнаты всех, кроме меня, сел за убитый компьютер, вставил в него сидюк, который принес с собой, минут пять пошаманил и назвал пароль, который оказался нецензурным. А еще Денис умеет добывать информацию из чужих компьютерных сетей, только стоит это очень дорого.

В свое время мне пришлось долго убеждать босса, что единственный сотрудник спецслужбы серьезного вреда нашим секретам не причинит. Василий Дмитриевич сдался только после того, как Денис перечислил ему несколько секретов компании, которых не знал даже я.

– Понимаете, Василий Дмитриевич, – сказал тогда Денис, – если вас не сажают, это еще не значит, что никто ничего не знает о ваших проделках. То, что вас не сажают, означает только одно – если сажать всех, кого стоило бы посадить, страна останется без крупного бизнеса.

Василий Дмитриевич внял аргументам и велел допускать Дениса на территорию компьютерщиков.

Денис снял трубку после третьего гудка.

– Привет, Денис! – сказал я. – Это Илья Елистратов. Как у тебя дела?

– Привет, Илья! – отозвался он. – Все путем. Какие проблемы?

– Подъехать можешь?

– Прямо сейчас?

– Хорошо бы.

– Прямо сейчас не могу. Давай завтра часов в десять.

– Подъезжай.

– Куда ехать-то? В главный офис?

– Да. Значит, завтра в десять жду. Счастливо!

– Счастливо! – сказал Денис и повесил трубку.

Я нажал кнопку отбоя и набрал номер Славы Полякова.

– Слава, это Илья, – сказал я, когда он снял трубку. – Зайди ко мне.

Минуты через полторы Слава сидел напротив меня и ждал распоряжений.

– Про Глотова слышал? – спросил я.

– Слышал, – ответил Слава. – Кто его так?

– Трое малолетних отморожков.

Я не стал посвящать Славу в детали, ему пока хватит официальной версии случившегося.

– Ты его знал? – спросил я.

– Так, здоровались.

– Поедешь к нему домой, – распорядился я. – Выразишь соболезнование жене, спросишь, какая нужна помощь, ну, там, похороны организовать и все такое. Ненавязчиво поинтересу-

ешься, не было ли у Володи каких личных проблем, не въехал ли «шестисотому» в зад, не хакнул ли кого-нибудь слишком обидчивого...

– А что, есть подозрения? – заинтересовался Слава.

– Есть необходимость отработать все версии. Давай, действуй.

Слава ушел действовать. Я допил кофе и тоже пошел действовать.

3

Григорий Ефимович Вронский сидел за столом и рассеянно перебирал бумаги. Увидев меня, он величаво кивнул, дождался, когда я сяду напротив, и протянул руку через стол. Рукопожатие Григория Ефимовича было вялым.

Я бросил взгляд на разложенные перед ним бумаги и увидел, что это были распечатанные резюме из интернета. Мне стоило больших усилий не скривиться и сохранить на лице доброжелательное выражение.

Господин Вронский разбирается в компьютерах немногим лучше, чем свинья в апельсинах. Он умеет нормально работать с вордом и чуть-чуть с экселем, а также самостоятельно лазить по интернету. На его столе стоит четвертый пень с роскошным двадцатидюймовым TFT-монитором, на экране которого большую часть времени отображается скринсейвер, рекламирующий Windows XP. Вронский не любит компьютеры и даже побаивается их, документы он предпочитает читать на бумаге, которой он изводит примерно столько же, сколько все остальные сотрудники отдела, вместе взятые.

Вронский пришел в компанию три года назад. Тогда одно государственное предприятие поставило непременным условием заключения большого контракта трудоустройство какого-то дальнего родственника какого-то большого босса. Что это за босс и каким родственником ему приходится Вронский, из моей памяти давно стерлось, эта информация осталась только в моей личной базе данных.

Первоначально предполагалось, что больше года Вронский в этом кресле не просидит, потому что когда срок контракт закончится, его уволят под благовидным предлогом. Но вдруг выяснилось, что несмотря на вопиющий непрофессионализм, Вронский справляется со своими обязанностями не так плохо, как можно было ожидать. В деятельности любого начальника полно рутинной работы, не имеющей прямого отношения к специфике работы подразделения, которым он командует. Все эти функции Вронский взял на себя и справлялся с ними весьма успешно. В технические вопросы он не лез, этими делами занимался Глотов, с которым они неплохо ладили. Туго ему придется теперь, без Глотова.

Я пригляделся к бумагам Вронского и понял, что резюме взяты из интернета, то ли с job.ru, то ли с какого-то другого подобного сайта. Толковая идея – искать в интернете человека, который будет допущен к корпоративным секретам.

Григорий Ефимович с сожалением отложил очередную бумажку и поднял голову. В его взгляде читалось «как вы меня все достали».

– У меня есть несколько вопросов, Григорий Ефимович, – сказал я.

Вронский тяжело вздохнул и сказал:

– Не трудитесь их формулировать, я вам сразу отвечу. Ничего подозрительного в отделе не происходило. До самого конца Володя вел себя совершенно нормально. Настроение у него было хорошее, ни на что не жаловался, денег ни у кого не занимал...

– Вы уверены? – прервал его я. – Что ни у кого не занимал?

– У меня точно не занимал, – уточнил Вронский. – Думаю, что у других тоже.

– А он вообще занимал деньги когда-либо?

– Никогда, – сказал Вронский. – А что?

– Ничего. Значит, совсем-совсем ничего подозрительного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.